

16+

Покажи мне, зеркало...

Ирада Нури

Том 1

Ирада Нури

Покажи мне, зеркало... Том 1

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Нури И.

Покажи мне, зеркало... Том 1 / И. Нури — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-99495-9

Фарах выросла в гареме своего отца - хана, души не чаявшего в младшей дочери. Но сказочная жизнь превращается в кошмар, когда во дворце появляется гадалка с зеркалом, предсказывающим судьбу. Будущее предстаёт в виде незнакомца из далёкой страны, и кажется, что стоит лишь протянуть руку, как можно дотронуться до него. Но это лишь иллюзия. Много трудностей предстоит пережить девушке на пути к своему счастью: смерть близких, предательство, побег... Но хуже всего преступное чувство, которое испытывает к ней собственный брат, полный решимости подчинить строптивницу своей воле.

ISBN 978-5-532-99495-9

© Нури И., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирада Нури

Покажи мне, зеркало... Том 1

ОТ АВТОРА:

Данное художественное произведение является вымыслом автора и любые совпадения с реальными историческими событиями и персонажами, не более чем случайность.

Покажи мне, зеркало...

Пролог

... Безвольное тело обмякло и свалилось на мраморный пол, заливая его ярко-алой, слегка дымящейся кровью.

Любовно вытерев саблю об одну из белоснежных, вышитых золотой нитью скатертей, Джабир повернулся к последнему оставшемуся в живых... к отцу. Он открыл было рот, чтобы произнести заранее заготовленную цветастую речь, когда слова замерли в горле. Он всегда знал, что воля у хана железная, но, чтобы настолько...

Сопrotивляясь изо всех сил отнимающему волю воздействию напитка, истинный лидер своего народа, хан стоял на нетвёрдых ногах сжимая в трясущихся руках оружие одного из павших стражников.

Шёпот удивления и невольного восхищения прокатился по рядам наёмников при виде негибимой воли гызылдагского правителя.

Мужчина не мог говорить. Зелье сковало его язык, но в словах не было никакой нужды, в его глазах горело такое пламя ненависти, не заметить которое мог бы разве что слепой.

Шахбаз-хан смотрел в лицо смерти, приобретшей прекрасные черты его сына, но она не страшила его. Он бросал ей вызов желая показать, что не зря столько лет честью и совестью правил доставшимся в наследство от предков государством.

Сын подошёл ближе, и хан непослушными руками поднял оружие...

Часть первая

Глава 1

Июльская жара в этом году была особенно невыносимой. На ясном лазурно-голубом небе вот уже третью неделю не появлялось ни единого пушистого облачка, появление которого могло бы дать надежду измученным засухой людям на то, что в самое ближайшее время Всевышний услышит, наконец, их горячие мольбы и прольёт на иссушенную землю благословенный дождь, способный хоть ненадолго, но всё же прогнать устоявшийся зной, от которого не колыхалось ни единой веточки, ни самого крохотного листочка в любимом саду повелителя. С недавнего времени всё реже стали раздаваться весёлые трели экзотических птиц, предпочитающих спасаться в тенистых вольерах от выжигающих лучей палящего солнца, словно имеющего намерение спалить их живьём.

Единственное время суток, когда можно было хоть немного расслабиться и вздохнуть полной грудью, были вечера. Хотя и по-прежнему безветренные, они из-за близости гор были всё же достаточно прохладными, что являлось поистине настоящим спасением посланным Милосердным Господом, проявляющим заботу о нуждах своих созданий.

В одну из таких ночей, единственная законная супруга великого Шахбаз-хана и мать его старшего наследника ханзаде Джабира – Зейнаб хатун, перед тем, как отойти ко сну полулежала на обитой бархатом и золотом тахте в самых роскошно обставленных покоях дворца и, пока рабыни массировали ей запястья и ступни ароматическими маслами с расслабляющим эффектом, предавалась радужным мечтам о том времени, когда её повзрослевший сын займёт отцовский трон, а она сама, на правах матери повелителя, сможет, наконец, заняться управлением не только вверенного ей гарема, но и вмешиваться в дела государства, к которым до сих пор у неё не было доступа.

Совсем юной шестнадцатилетней девочкой, она была преподнесена в дар повелителю своими собственными родителями-крестьянами, двадцать лет назад перебравшихся в эти места из Албании. Во время пожара они лишились дома и небольшого земельного участка, на котором выращивали овощи и фрукты для продажи, и, потеряв возможность прокормить и выдать замуж восьмерых своих дочерей, ради общего блага были вынуждены пожертвовать одной из них.

Теута, что в переводе с её родного языка означало – королева, с младых лет заметно отличалась от остальных сестёр: высокая, сероглазая, медноволосая, чрезвычайно смышлёная, она как ни одна другая была достойна выбранного для неё имени. Чем старше становилась девушка, тем чаще все проходящие мимо молодые люди останавливались поглазеть на красивую крестьянку, лицом и манерами походящую на королеву. До сих пор остаётся загадкой что же послужило причиной пожара, уничтожившего всё то небольшое, что у них было, но только, погоревав и посоветовавшись между собой, было решено везти красавицу Теуту в ханский дворец.

Как и предполагалось, юный Шахбаз-хан, совсем недавно занявший трон после смерти своего отца, с первого же взгляда увлёкся юной красавицей. Горячая кровь, доставшаяся от славных предков, закипела в жилах молодого человека, стоило лишь взглянуть на алые манящие уста и роскошные формы новой наложницы. Не обращая внимания на предостережения матери и теток, всячески отговаривающих его от серьёзного шага, он настолько потерял голову, что совершил с ней обряд нигяха, таким образом превратив простую рабыню в официальную жену – хатун, со всеми вытекающими из её нового титула возможностями и обязанностями.

Однако страсть длилась недолго. Почувствовав вкус власти, Теута, которую сразу же после принятия веры мужа переименовали в Зейнаб, стала стремительно меняться в худшую сторону. Ещё бы! Раньше, ей приходилось драться за каждую новую ленточку с семьёй сёстрами, теперь же ей принадлежало всё, на что она бросала взгляд. Её постоянные капризы и неоправданная жестокость по отношению к слугам стали притчей во языцех. Первое же, что она велела сделать сразу же после свадьбы, это прогнать со своих земель бывшую семью – водиться с простым людом молодая госпожа считала ниже собственного достоинства. Ничто больше не должно было напоминать ей о прежней жизни и унижительно низком происхождении.

Постепенно пелена, застилающая глаза влюблённого супруга, стала исчезать. Он всё чаще стал замечать необъяснимые приступы ярости своей жены, во время которых она могла наброситься с кулаками на любого, кто имел неосторожность попасться ей на глаза в момент, когда она была чем-то раздражена.

Но хуже всего стало тогда, когда придворные лекари, осмотревшие Зейнаб единогласно подтвердили, что ханум – госпожа ожидает долгожданного наследника. Выносить её бесконечные капризы и жалобы на всех и вся стало просто невозможно. Не единожды пожалевший о своём когда-то поспешном решении хан, старался как можно реже появляться во дворце, всё чаще и чаще проводя дни и ночи под открытым небом, охотясь со своими любимыми соколами. Предоставленная же сама себе, госпожа развлекалась тем, что строила планы мести всякому, кто хоть в чём-то провинился перед ней, грозя неминуемой карой, которую её наследник непременно обрушит на головы не угодивших.

И наследник родился. Одним из осенних вечеров он появился на свет, огласив громким криком отцовский дворец. Предупреждённый о рождении ребёнка, счастливый отец, все последние недели предпочитавший проводить время не рядом с раздражающейся по пустякам женой, а охотясь в горах, спешно вернулся во дворец. Он был настолько обрадован благой новостью, что не обратил внимания на гневные слова согбенной старухи, словно по волшебству неожиданно возникшей на пути и только чудом увернувшейся от смертельных копыт его коня рассыпав всё содержимое своей котомки по земле. Отскочив в сторону и глядя вслед проносившимся мимо всадникам, безжалостно топчущим её «сокровища»: связки с последними в этом году травами, что с таким трудом удалось собрать в лесу, она вытянула вперёд скрюченные от старости и болезней пальцы и в гневе призвала на голову правителя все беды и проклятия преисподней пожелав, чтобы то, к чему на встречу он с такой радостью стремится, обернулось для него самым большим горем и потерями.

– Да не будет тебе отныне счастья, ибليس, ибо принесёт беду в твой дом тот, чьего появления ты так желаешь! Плоть от плоти, кровь от крови твоей... Он погубит всё, что тебе дорого и возжелает то, что будет для него запретно! И да прервётся из-за него твой род, ибо породит его мгла и она же поглотит. Будьте вы все прокляты...

Она ещё долго сотрясала воздух ругательствами в то время, как ничего не подозревающий о том, что успел вызвать гнев старухи-отшельницы, хан, въехавший на территорию дворца, едва сдерживая нетерпение, бросил поводья коня подскочившему слуге, и, в мгновение ока взлетев на женскую половину, в благоговейном восторге замер, услышав плач новорождённого сына.

С невероятной гордостью он принял из рук повивальной бабки своего первенца, прочитав над которым традиционные молитвы, нарёк гордым именем – Джабир, что означало правитель... или же тиран.

Однако напрасно Зейнаб хатун ожидала от государя каких-то особых почестей. Когда дошла очередь до неё, супруг, ограничившись тем, что поцеловал её в лоб и поблагодарил за наследника, предпочёл вновь оставить её одну и вернуться в горы.

И так продолжалось до тех пор, пока...

– Госпожа! – взволнованный голос Гюльсум, доверенной служанки, многократно доказавшей её особую преданность, отвлёк Зейнаб от размышлений. Она ворвалась в покои хозяйки с такой поспешностью, словно за ней гналась сотня шайтанов-демонов.

Её состояние передалось и хозяйке. Почувствовав неладное, она взмахом пальцев, униженных драгоценными перстнями велела рабыням немедленно оставить их наедине.

Служанка уже открыла было рот, чтобы выпалить всё как на духу, когда распахнулась противоположная дверь, ведущая на половину наследника, и девятилетний Джабир бледный как смерть бросился к матери:

– Валиде, вы слышали новость? Бану разрешается от бремени!

– Что?! – Зейнаб взглядом полным ужаса уставилась на Гюльсум, которая опустив низко голову, лишь смиренно кивнула:

– Увы, это правда, госпожа. Я случайно узнала об этом от одного преданного нам евнуха и сразу же бросилась к вам.

Резкий звук похожий на рычание вырвался из груди хозяйки. Всевышний да покарает их всех!

Словно безумная, она к ужасу наблюдавших за ней сына и служанки, принялась носиться по покоям круша и разбрасывая всё вокруг. Наконец, чуть выпустив злость, она обернулась к свидетелям своего безумства:

– Джабир! Немедленно возвращайся в свои комнаты! Негоже наследнику великого хана свободно разгуливать по женской половине, да ещё и в такой час!

– Хорошо, матушка, – видя в каком состоянии находится его мать, мальчик решил не злить её ещё больше, а поспешить выполнить приказ.

Едва дождавшись ухода сына, Зейнаб кипя от ненависти, обернулась к добровольной союзнице:

– Я должна быть там! Мне необходимо увидеть всё собственными глазами!

– Не переживайте так, госпожа. Господь всемогущ, он непременно услышит вас и не даст той наложнице сына. Вот увидите, она разродится никому ненужной дочерью, и, разочаровавшись, хан отдалится от неё навсегда.

– Дай-то Аллах! Потому, что если ты ошибаешься и она родит сына...

Незавершенная фраза повисла в воздухе, рисуя в воображении обеих женщин кровавые картины одна ужаснее другой. Зная нрав хозяйки, не приходилось сомневаться в том, какая участь ожидала новорожденного. У хана и прежде рождались сыновья от других наложниц, но ни один из них не вызывал у неё такого чувства беспокойства. Когда придёт время, она избавится от них всех разом! Совсем другое дело ребёнок Бану. Когда год назад эта, плененная во время морского путешествия англичанка, появилась во дворце, сразу же стало ясно, что с ней всё будет не так как с другими.

Благородных кровей, светловолосая, с глазами цвета фиалок, дочь туманного Альбиона с первого взгляда покорила сердце уже не надеявшегося встретить настоящую любовь хана. Нет, он не стал совершать прежних ошибок и официально жениться на ней, ограничившись лишь тем, что самолично дал наложнице новое имя – Бановша, что в переводе означало фиалка. Со своей Бану, как он ласково любил называть возлюбленную, он стал проводить всё свободное время, часто отказываясь от охоты – увлечения, без которого прежде не мыслил своей жизни. Подобно влюблённому подростку, он дарил юной красавице стихи собственного сочинения и баснословной цены украшения.

Страсть к Зейнаб у Шахбаз-хана угасла через пару месяцев, но, о ужас, Бановша жила в гареме уже целый год, а счастливая улыбка до сих пор не сходила с лица повелителя, каждую ночь неизменно призывавшего к себе своего белокурого ангела.

Зейнаб была уже в коридоре, когда, внезапно вспомнив кое-что, поспешила вернуться в покои. Открыв резную крышку украшенного самоцветами ларца, стоящего в изголовье её

кровати она извлекла из него небольшой, но очень острый кинжал из дамасской стали. Прижав его к груди, она мстительно ухмыльнулась, представляя, как сверкающую на солнце сталь обагрят алая кровь ненавистной соперницы и её выродка. Услышав зов служанки, заметившей исчезновение госпожи и вернувшейся за ней, Зейнаб, вздрогнув, поспешила спрятать грозное оружие в складках надетого на ней роскошного одеяния и, не обращая внимания на склонившуюся в почтительном поклоне дворцовую стражу днём и ночью охраняющую покои ханской жены, направилась к одному из потайных ходов, которыми был буквально испещрён весь дворец. Пройдя бесчисленное количество ступеней и поворотов они с Гюльсюм, нажав на секретную панель в стене, вышли как раз перед покоями фаворитки.

Перед широко распахнутыми дверями уже собралась огромная толпа обитательниц гарема, единственным развлечением в жизни которых была либо смерть, либо рождение очередного наследника. В первом случае, им удавалось вдоволь наесться халвы – невероятно вкусного и сладкого лакомства, которое готовили повара из обжаренной муки и масла с добавлением медового шербета, куркумы и корицы. Во втором же случае, если рождался сын, по приказу хана каждой доставался увесистый мешочек с золотом, который они могли припрятать до тех времён, когда на закате лет им будет позволено покинуть дворец и обзавестись собственным жилищем.

Все были так поглощены созерцанием того, что происходило внутри, что никто и не заметил внезапного появления повелительницы. Крепко сжимая изогнутый кинжал, Зейнаб попыталась было осторожно войти внутрь, когда внезапно заметила присутствие человека, один лишь взгляд на которого заставил её резко отпрянуть назад и бессильно заскрипеть зубами.

Хан! Он был там, с ней! Одинаково относящийся ко всем своим отпрыскам и их матерям, появляясь лишь в самый последний момент чтобы прочитать аяты из Корана и дать очередному новорождённому имя, на этот раз, он вёл себя совершенно по-другому. Ни на шаг, не отходя от своей ненаглядной Бану, он несмотря на протесты врачей и повитух, рекомендующих ему выйти и переждать роды в своих покоях или саду, до самого конца держал её за руку, тем самым будто бы вливая в неё свои силы, подбадривая нежными словами, что несмотря на крики нежно шептал ей на ушко.

Зейнаб едва не затошнило от таких неприкрытых чувств. Это её он должен был так боготворить! Это ей, своей законной супруге и матери наследника, он должен был посвящать стихи и шептать нежные слова! Ей, а не какой-то худосочной англичанке с фарфоровым кукольным личиком, которое так и подмывало разбить сильным ударом кулака на мелкие кусочки!

Внезапно все словно по приказу смолкли. Наступила такая тишина, что можно было при желании расслышать и писк комара. Но вот, тишину нарушил звонкий плач новорождённого. Все замерли, ожидая момента, когда будет провозглашен пол ребёнка.

– Примите мои величайшие поздравления, государь, – протягивая повелителю свёрток, произнесла пожилая и очень уважаемая повитуха, которая когда-то принимала самого Шахбаз-хана, – у вас родилась дочь!

Дочь! Почувствовавшая невероятное облегчение, Зейнаб едва не расхохоталась во весь голос. Подумать только! Дочь! Проклятая англичанка оказалась настолько бестолковой, что не смогла подарить хану сына.

Она уже собиралась так же незаметно удалиться, когда до неё донеслись слова хана, пригвоздившие её к месту:

– Хвала Всевышнему, у меня родилась дочь. Бану, любимая, разве могла ты подарить большую радость, чем произведя на свет этого ангелочка?

Подумать только, эта негодяйка счастливо рассмеялась! Да-да, именно, и Шахбаз-хан – грозный правитель небольшого, но стратегически важного государства, словно мальчишка вторил ей в ответ. Крепко прижимая к себе драгоценный попискивающий свёрток, счастливый отец согласно исламской традиции произнёс над ней молитвы, призванные уберечь новорож-

дённую от дурного глаза и козней шайтана, а затем, подняв дочь в вытянутых руках вверх, торжественно провозгласил:

– Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного, нарекаю тебя именем- Фарах, что означает – Радость. Ибо нет отныне для меня большей радости, чем ты, дочь моя!

Зейнаб больше было не до смеха. Воспользовавшись поднявшейся суматохой, когда каждый старался приблизиться к малышке и поздравить счастливых родителей, она вместе с преданной Гюльсюм вернулась прежним путём в свои покои. Слезы жгли глаза, но она даже под страхом смерти не позволила бы себе пролить ни слезинки.

О, она отомстит! Она наберётся терпения и будет терпеливо выжидать подходящего момента, чтобы нанести решающий удар всем, кто посмел перейти ей дорогу!

Глава 2

Гызылдаг. Семь лет спустя.

– Ваше высокородие! Фарах ханум! О Аллах, куда опять подевалась маленькая госпожа? Ну почему её никогда не бывает на месте? Ох, и достанется всем нам за недосмотр. Госпожа, ну не пугайте вы так свою старую нянюшку, покажитесь...

Зажав ладошкой рот, я весело прыскала со смеху всякий раз, как кто-то из многочисленной прислуги пробегал мимо огромного раскидистого платана, в ветвях которого я пряталась, так ни разу не догадавшись взглянуть наверх.

Поделом им! Нечего было заставлять ребёнка с абсолютным отсутствием музыкального слуха, два часа кряду брэнчать на лютне и пытаться петь, тем самым мучая не только его самого, но и всех окружающих, что имели несчастье не родиться глухими, и вынужденными терпеливо слушать ужасные завывания что он издавал.

Я искренне не понимала, как игра на лютне могла пригодиться мне в жизни, но, к сожалению, никого кроме меня этот вопрос больше не интересовал. Традиции предписывали ханским дочерям умение петь и играть на музыкальных инструментах, и, значит, я тоже должна была это уметь. А такая досадная мелочь, как отсутствие слуха, по логике мучителей, совершенно не должна была беспокоить мою драгоценную персону.

Но меня это беспокоило, и очень! Не в силах больше выносить этой пытки я, воспользовавшись моментом, осторожно улизнула в сад. Забравшись на самое большое дерево, я собиралась просидеть там до тех пор, пока все окончательно обо мне не забудут. А это, увы, вряд ли когда-нибудь станет возможным.

Прежде чем продолжить своё повествование, позвольте для начала представиться. Меня зовут Фарах, а если точнее, то Фарах ханум Шахбаз Шахин-хан гызы, что в переводе на ваш язык означает «княжна Фарах, дочь князя Шахбаза Шахина». Будучи любимицей отца и отрадой очей матери, я, вот уже семь лет кряду, вношу хаос и неразбериху в размеренную жизнь отцовского гарема, переворачивая всё с ног на голову к великому неудовольствию его распорядительницы, супруги повелителя грозной Зейнаб хатун.

Вообще, жизнь в гареме хана мало чем отличалась от султанского или шахского. Здесь так же царила своя иерархия, согласно которой каждый человек, находящийся здесь имел определённый статус. Благодаря вдалбливаемым с младенчества знаниям, я к этому времени уже точно знала, что самым низшим чином были обычные рабыни – бикеч. Именно с этого положения начинали все девушки, попавшие в гарем. Кому-то из них улыбалось счастье подняться по социальной лестнице, но большинство оставалось такими навсегда. В их обязанности входила уборка в помещениях дворца, обслуживание тех, кто находился на более высоком положении, выполнение различных мелких поручений, и всё это за мизерное жалование из казны.

Тем, кому удавалось выслужиться и привлечь к себе внимание высокородных обитательниц гарема, поднималось жалование и открывались двери в иной мир. Эти девушки могли надеяться стать наперсницами тех, кто стоял гораздо выше их на социальной лестнице. У них по-прежнему не было надежды когда-нибудь попасть на ложе правителя, но они, по крайней мере, могли по желанию выйти замуж за приличного человека после десяти лет службы.

Заветной мечтой для каждой рабыни было дослужиться до ранга пейк. Стать личной наперсницей и компаньонкой жены или дочери государя мечтали все. Их услуги хорошо оплачивались, не говоря уже о том, что они становились хранительницами всех главных дворцовых тайн. С ними считались, их боялись. Пейк обязаны были уважать все остальные наложницы. Это был очень солидный статус, практически максимальная иерархия в гареме, которой могла добиться простая наложница, не имевшая интимных отношений с правителем.

А вот тех, кому хотя бы раз посчастливилось провести ночь с государем называли- гёзде. Не зависимо от того было это единожды или несколько раз, гёзде отводились отдельные от остальных девушек комнаты и своя собственная прислуга.

Если гёзде удавалось заинтересовать правителя настолько, что он начинал особо выделять её среди остальных, то она становилась фавориткой – икбал. Фаворитки рожали государю детей и тем самым обеспечивали себе ещё большее жалование и положение. Роскошные подарки, драгоценности и заморские ткани – повелитель был щедр со своими любимицами.

Икбал родившая хану дочерей, называлась- гадын. Этот статус носила и моя мать, так и не сумевшая подарить отцу после меня других детей.

Но главной женщиной в гареме была – Баш-гадины – фаворитка, сумевшая подарить повелителю главного наследника. Именно ей в наиболее частых случаях доводилось стать валиде – матерью будущего правителя. Её особый статус позволял управлять всем гаремом, который обязан был беспрекословно ей подчиняться. Такой женщиной при моём отце была Зейнаб хатун. Её власть в гареме была поистине безграничной, так как она была не просто матерью наследника, но и, согласно шариату, законной супругой хана. Не важно, что вот уже много лет хан не обращал на неё как на женщину никакого внимания, предпочитая проводить каждую ночь с моей матерью, Зейнаб ханум была истинной госпожой, спорить с которой не было позволено даже мне. Именно по её приказу мне предписывалось проводить все свободные часы за ненавистными занятиями, с которых я, набравшись храбрости, с завидной регулярностью сбегала, ну а потом, с такой же регулярностью, получала нагоняи.

Я так задумалась, что не заметила, как послышались шаги и под облюбованным мной деревом остановился человек. Не поднимая глаз, он, опираясь одной рукой о ствол, насмешливо произнёс:

– Эй, ты там часом не уснула? Предупреждаю, падать будет очень больно.

Джабир! Сын Зейнаб ханум и законный наследник владений отца, он всегда оставался для меня загадкой. Чувствуя его нелюбовь к себе, я всегда старалась как можно реже попадаться на глаза старшему брату, в свои шестнадцать лет славящемуся весьма крутым нравом.

– Как ты узнал? Джабир, пожалуйста, не выдавай меня! – взмолилась я. – Видеть не могу этот адский инструмент!

– Поверь, птенчик, – хохотнул он, – после твоих леденящих кровь завываний, слышных даже в моих покоях, я считаю своим святым долгом никогда больше не допускать тебя к музыкальной комнате.

– Спасибо, – благодарно проговорила я, ничуть не обиженная его нелестной оценкой моих музыкальных данных. Уж что есть, то есть.

От длительного сидения в неудобной позе на жёстком стволе у меня болело всё тело. Поёрзав на месте, я попыталась устроиться чуть поудобнее, когда услышала такое, от чего едва не полетела вниз головой:

– Я собираюсь ловить рыбу в горном озере, если хочешь, могу взять тебя с собой.

Это было невероятно! Старший брат впервые обратил на меня внимание, и я готова была из кожи вон выпрыгнуть, лишь бы с ним хоть немного подружиться.

В свои шестнадцать лет он был уже не невинным мальчиком, но мужем. Благодаря стараниям матери, у Джабира вот уже несколько лет как был собственный гарем, куда отбирались только самые юные и прекрасные рабыни. Взяв лучшие качества обоих родителей, Джабир был высок и физически развит. Чёрные, как эбеновое дерево, кудри красивыми кольцами опускались ему на шею, а пронзительные и глубокие, как ночное небо, глаза под густыми бровями приковывали внимание к удивительно красивому лицу. Я множество раз слышала, как вздыхали по нему все рабыни во дворце. Не надеющиеся привлечь внимание отца, которого вот уже много лет интересовала одна единственная женщина, они мечтали хоть на миг попасться

на глаза его сыну, родив наследников которому, могли бы навсегда избавиться от несчастной доли, превратившись в райских птичек, украшающих гарем юного князя.

Я всё ещё раздумывала стоит ли всерьёз воспринимать его приглашение или нет, когда в самом дальнем конце сада заметила мать, внимательно оглядывающую каждый кустик попадающийся на её пути. Знающая меня как никто другой, не приходилось сомневаться, что уж она-то меня точно найдёт в самое ближайшее время, и тогда снисхождения не жди.

– Я с тобой, Джабир, – решила я наконец, и ловко цепляясь за ветви принялась спускаться вниз. Разгадав мои намерения незаметно улизнуть, он, добродушно посмеиваясь, снял с плеч подбитый бархатом плащ и, быстро укутав меня им с головы до ног, подтолкнул в сторону одной из дорожек ведущей к выходу из сада, где его уже поджидали слуги с рыболовными снастями.

Сказать по правде, ловля рыбы оказалось вовсе не таким увлекательным занятием, как я считала прежде. Хотя, что об этом могла знать семилетняя принцесса с младых лет прежде никогда не покидающая пределов своей золотой клетки? Я и понятия не имела, что она бывает... живой?! Как же так? Разве её, ароматную, запечённую с луково-орехово-гранатовой начинкой и украшенной ломтиками лимона не приносят на серебряных блюдах прямо с дворцовой кухни? Неужели она, живая и совершенно неаппетитная свободно плавает в воде и ждёт, когда мой брат, о ужас, насадит на странный предмет с острым крючком именуемый удочкой жирного, извивающегося земляного червя, которого она поспешит проглотить?! О Аллах, и я это ем?! Да ни за какие блага на свете я больше не притронусь ни к одной рыбе! Хорошо, что баранину, которую я просто обожаю, не добывают таким варварским способом. Однажды, забежав на кухню за шербетом, я видела собственными глазами, как её, нежную и прожаренную со специями до румяной корочки, выуживают прямо из огромной печи на большом металлическом блюде.

Но вернёмся к рыбалке. Велев слугам держаться от нас подальше, Джабир зажав в руках снасти, велел мне следовать за собой прямо к воде и, пока я с нетерпением ожидала проплывающее мимо блюдо с рыбой, занялся описанными ранее манипуляциями всё больше и больше вводящими меня в шок. Всучив мне в руки одну из удочек, предварительно забросив в воду конец с крючком и смешным красным шариком, прыгающим по поверхности, он сел чуть подальше и, проделав то же самое со своей удочкой, уставился на неё как завороченный.

Мне было скучно. Устав глазеть на воду я обратилась к Джабиру с вопросами, но он неизвестно почему злобно шикнул на меня велев сидеть тихо. Обиженно насупившись, я, впрочем, не выпуская бесполезной палки из рук, показала ему язык и повернулась спиной.

Плеск воды и пение птиц успокаивали, зелёная пушистая трава манила прилечь и отдохнуть. Я и сама не заметила, как меня начало клонить ко сну. Но внезапно что-то произошло. Что-то очень сильное и быстрое стало вырывать удочку у меня из рук. Я испугалась, сон как рукой сняло. Памятуя о том, что шуметь было нельзя, я попыталась самостоятельно вырвать у наглеца, находящегося в воде конец верёвки, но куда там, силы были не равны. Тот, на кого я непременно пожалуюсь отцу так сильно дёрнул за верёвку, что потащил меня за собой. Не удержавшись, я плюхнулась в воду, больно расшибив коленку о камни.

Удочка вылетела из рук, но мне было уже не до неё. Сидя прямо в ледяной воде, я рыдалась в голос. Плевать на то, что мне велели соблюдать тишину, мне было больно, мокро и очень холодно! А ещё мне было обидно, потому что вместо того, чтобы призвать на помощь всех лекарей ханства, мой старший братец, держась руками за живот, сложился пополам от смеха.

Выдержать ещё одно унижение просто не было сил. Вся, кипя от обиды и злости я схватила прямо со дна комок мокрой и склизкой грязи и запустила прямёхонько в ухмыляющуюся физиономию. Не успел первый снаряд долететь до цели, как в вдогонку ему полетел второй.

Теперь уже и Джабиру было не до смеха. Подняв руки вверх в примирительном жесте, он помог мне выбраться из воды.

Намокшее от воды шёлковое платье превратилось в самое настоящее наказание. Облепив всё тело как вторая кожа, оно своей тяжестью тянуло меня вниз. Тщательно расчёсанные и заплетённые с утра в косы волосы также пришли в плачевное состояние, когда слетели стягивающие их ленты. Длиною до бёдер тяжёлые мокрые пряди рассыпались по спине и плечам, покрывая лицо мешали вздохнуть.

Приготовившись повторно разреветься, я была несказанно удивлена, когда, подхватив на руки, брат перенёс меня на поваленное неподалёку дерево и отведя волосы от лица взглянул в моё мокрое от слёз лицо.

Глава 3

Мне было стыдно и ужасно обидно за то, что из-за собственной несдержанности испортила начинающее налаживаться дружеское общение с человеком, который был в некотором роде для меня идиолом. Заслужить одобрение Джабира было великой честью, как и большой глупостью было нажать в его лице врага.

Вытерев кулачками глаза, я чуть помедлила прежде, чем осмелилась взглянуть в лицо, которое наверняка выражало осуждение, но странное выражение, застывшее на лице брата, отчего-то напугало гораздо сильнее, чем если бы он на меня накричал. Нет, он не осуждал, а просто по-прежнему удерживая в руках волосы, удивлённо разглядывал меня так, словно видел впервые. Его взгляд потемнел, когда медленно, почти физически ощутимо спустившись по моему телу вниз, неожиданно остановился на ярко-красном пятне, проступившем на ткани обтянувшей мою коленку.

– Гляди, кровь, – странно осипшим голосом произнёс брат, заметно дрожащими руками потянувшись к мокрому подолу платья и почти до бедра обнажив мою ногу. Словно безумный, с помутневшим взором, он странно поглаживая осматривал небольшую ранку, которая к тому времени уже перестала кровоточить.

Его горячие руки на моей обнаженной, покрытой мурашками от холода коже, до которой прежде не смел касаться никто, кроме рабынь, рождали внутри меня очень неприятные ощущения, словно это было чем-то неправильным, грязным.

Его губы зашевелились, но из них не вылетело ни единого звука, только странный, едва заметный стон, как если бы моя боль передалась ему.

Не зная, как переключить внимание чересчур вцепившегося в мою плоть и неестественно ведущего себя брата, я воспользовалась первым подвернувшимся предложением:

– Ой, бабочка! – резко вскочив я с силой хлопнула Джабира по лбу, мимо которого действительно пролетало пёстрое насекомое. Разыскивая самые яркие и красивые цветы, она ошибочно приняла брошь из самоцветов на тюрбане Джабира за один из таких цветков.

Тяжело дышащий словно очень долго и быстро бежал, брат всё ещё замутненным взглядом проследил за тем, куда показывал мой пальчик, и это сработало. Взгляд его, хоть и с трудом, прояснился, и он вновь стал прежним Джабиром, которого я знала всю жизнь:

– Ты ударила меня, птенчик, больше никогда так не делай!

"А ты не пугай меня так!" – хотелось крикнуть мне в ответ, но я благоразумно смолчала. Вместо этого, я решила задать давно уже мучающий меня вопрос:

– Скажи, Джабир, а что означает цветок на твоей броши? Это какой-то символ?

– Символ? Хм, пожалуй, да, – задумчиво ответил он, отколов брошь и протянув её мне, – вот, погляди, это – Хары бюль-бюль – гордость нашего ханства.

– Хары бюль-бюль? – странно, я ничего об этом не знала. – Какое отношение имеет цветок к соловью? (бюль-бюль- означает соловей)

– Знаешь, птенчик, твоё образование всерьёз начинает меня беспокоить. Спрашивается, чем занимается твоя мать, вместо того, чтобы объяснять дочери такие элементарные, но в то же время важные вещи? Придётся мне серьёзно поговорить с матушкой на эту тему.

– Нет, Джабир, прошу не надо ничего рассказывать Зейнаб хатун! – взмолилась я. – Обещаю, что буду более внимательно относиться к занятиям, только не говори ей ничего, ладно?

– Обещаешь? – прищурив один глаз, насмешливо спросил он.

– Клянусь! – я готова была пообещать что угодно, лишь бы избежать очередного нагоняя от суровой наставницы. – А теперь, если тебе не трудно, то расскажи мне об этом... как говоришь он называется?

– Хары бюль-бюль, – беспомощно разведя руками рассмеялся брат. – С этим необычным цветком связано много легенд, и об одной из них я тебе сейчас расскажу. Вот, погляди внимательнее, – он так и сяк поворачивал перед моими глазами драгоценную брошь, – на что потвоему похож этот цветок?

– На птицу? – неуверенно спросила я, ожидая очередной насмешки, но её не последовало.

– Вот именно! – подхватил брат. – По одной из легенд птицы и растения когда-то подобно людям могли испытывать такое волшебное чувство, как любовь.

– Любовь? – приснула я.

– Вот именно, птенчик, любовь! – серьёзно ответил Джабир. – Соловей влюбился в прекрасную розу и дни и ночи напролёт пел ей песни о любви. Роза, покорённая непередаваемым пением соловья, отвечала на его чувства. Молва об их любви разнеслась повсюду; растения и птицы искренне радовались их светлым чувствам, как своим. Но "Хар" – шип, единственный, кого их любовь раздражала, и он никак не мог с этим смириться. Чтобы разлучить влюбленных, он начал петь цветку свои любовные песни, но они не нашли отклика в сердце прекрасного цветка. Отказ привёл его в бешенство, и тогда, разъярившись, шип уничтожил один из прекрасных лепестков розы, причиняя ей невыносимую боль. Соловей видя, что его любимый цветок может погибнуть, принялся издавать горестный стон, и его стону вторили все растения и птицы. В момент полного уничтожения розы, все разом начали молиться за её жизнь. Ради спасения такой большой любви все готовы были пожертвовать собой. И их мольбы были услышаны – роза, соловей и хар (шип) – все вместе превратились в один цветок – Хары бюль-бюль.

– Как красиво! – сложив ладошки на груди восхитилась я.

– Красиво, – не отводя глаз, прошептал Джабир. Вот только было непонятно имели ли мы оба ввиду одно и то же.

– Ты говорил, – борясь со смущением спросила я, – что Хары бюль-бюль является одним из символов нашего ханства, как такое может быть?

– Видишь ли, этот редкий цветок растёт не повсеместно, а лишь в двух местах: Карабахском ханстве и у нас. В наших краях он яркого жёлтого цвета. Когда приходит время распускаться, эти прекрасные цветы образуют настоящий живой ковёр, покрывающий изножья гор так, что начинает казаться, что горы из чистого золота. Отсюда и название нашего ханства – Гызылдаг, что означает – Золотая гора.

– Ты верно шутишь, – фыркнула я, – мне совершенно точно известно, что "золотыми" наши места называют из-за богатых залежей золота, позволяющими нам иметь собственную армию и до сих пор оставаться единственным самостоятельным государством между такими соседями, как могущественное Персидское государство с одной стороны, и непобедимая Османская империя с другой.

– Госпожа, вот вы где! – раздалось в двух шагах, и из-за деревьев показались служанки не один час разыскивающие меня повсюду. С ужасом взирали они на мой растрёпанный вид, представляя какое наказание выпадет на их долю за мокрое платье и разбитую в кровь коленку.

Джабира при их появлении словно подменили. Мгновенно утратив интерес, он с безразличным видом пожал плечами и, будто бы совершенно позабыв о моём существовании, направился во дворец, дав знак сопровождающим его слугам следовать за ним.

А дома меня ждал самый настоящий нагоняй. Уже одного того, что я сбежала, несмотря на категорический запрет, было достаточным для того, чтобы меня лишили сладкого на неделю, но, когда матери стало известно о том, что я была с Джабиром, её чуть не хватил удар. В ужасе заламывая руки, она одновременно умоляла и приказывала держаться от него подальше, и её поведение меня сильно озадачивало. Ещё ни разу в жизни мне не приходилось видеть её в таком состоянии. Чувствуя себя безгранично виноватой, я торжественно пообещала ей, что буду держаться от наследника на расстоянии, но, одно дело обещать, а другое – пытаться сдержать своё обещание. И это оказалось не так-то просто.

С того самого дня, куда бы я ни направлялась, чем бы ни занималась, я всюду наталкивалась на слоняющегося поблизости Джабира, которому по одному ему известной причине непременно нужно было находиться в то же самое время и в том же самом месте, что и мне.

Говорят, что от судьбы, что уготовил для нас Всевышний, не уйти. Чтобы ты ни делал, как бы ни старался избежать встречи с грядущим, оно всё равно найдёт тебя и заставит делать всё именно так, как тебе предназначено свыше.

Несмотря на запреты, и наказания последующие за их нарушениями, мы с Джабиром продолжали втайне общаться. Проходили недели, месяцы, годы, а мы с братом становились всё ближе и ближе друг другу. Сёстры, рождённые от других наложниц, были старше меня по возрасту и избегали общения, считая меня досадной помехой. Ещё бы, ведь в моём присутствии они не могли, как прежде, обсуждать между собой мужчин и то запретное, что происходило за стенами супружеских спален. Видя мою огорчённую физиономию всякий раз, как меня выставляли за дверь, старая нянюшка советовала не принимать это близко к сердцу, объясняя их поведение элементарной завистью от того, что я была любимицей хана.

В чём-то она была права, ибо как бы ни был занят важными государственными делами отец, как бы ни устал, он всегда находил время для того, чтобы навестить свою младшенькую, Фарах, и подарить ей очередную безделушку, при виде которой зеленели от зависти остальные обитательницы гарема. Только мне позволялось забираться на колени к отцу и разглаживая пальчиками морщинки вокруг его смеющихся глаз целовать каждую, рассказывая о том, как прошёл мой день.

Ну, разумеется, были у меня и свои секреты. К примеру, мало кто знал, что в те дневные часы, что я по мнению окружающих провожу сладко сопя в своей кровати, на самом деле я, переодевшись для удобства мальчишкой, вместе со старшим братом совершаю очередную вылазку на природу или в город.

Прошло три года. Несколько месяцев назад, на моё десятилетие, к огромной зависти сестёр, отец подарил мне газель. Найденная крошкой в лесу, она не знала иной жизни, как жизни в клетке. Практически полностью одомашненное животное, она стала верной подружкой во всех устраиваемых мной проделках. Мы были настолько привязаны друг к другу, что, зная где в данный момент находится одна из нас, смело можно было предполагать, что и вторая крутится где-то поблизости. Теперь, мне уже не удавалась прятаться от слуг на дереве, так как моя милая Назлы тут же начинала крутиться под ним и опираясь передними копытами о ствол, тянуться вверх, поднимаясь на задних.

Но однажды, когда отца объезжающего границы не было дома, она исчезла. Ещё вечером вволю наигравшись мы еле расстались перед сном, а уже с утра, я нигде не могла её найти. Прислуге было велено прочесать всю территорию дворца, но бедняжки Назлы пропал и след.

Я была уже на грани истерики, когда одна из сестёр, видя меня одиноко бредущей по садовым дорожкам, издевательски крикнула мне с верхней галереи:

– Погляди, что ты натворила, Фарах! Замучила бедное животное до такой степени, что оно от тебя сбежало!

Это было больно. Доведённая до крайности, я уже собиралась открыть рот и высказать негоднице всё, что я о ней думаю, когда стала невольной свидетельницей такого, чего прежде ни за что не смогла бы себе представить. Проходящий в это самое время по галерее Джабир, услышав последнюю фразу, в мгновение ока оказался подле неё и, схватив за горло, заставил перегнуться через перила. Не обращая внимание на визг испуганных служанок, он угрожающе прошипел так, что было слышно даже мне:

– Говори, что тебе известно об этом, или, клянусь Аллахом, я сброшу тебя вниз!

Мне никогда прежде не приходилось видеть выражение жестокости на лице брата. Насмешку да, но такую жестокость – никогда. Застывшая на месте я продолжала глядеть вверх с всё ещё открытым ртом, когда до меня донеслась фраза сестры:

– Нет, брат, пожалуйста не делай этого! Неужели из-за какого-то животного ты готов убить собственную сестру?

– Даже не сомневайся! – прозвучал ледяной ответ. – Если ты немедленно не расскажешь мне, что сделала с животным, то и сама в этом убедишься!

– Ничего! Я ничего с ним не делала, клянусь! Просто велела слугам оставить ворота, ведущие в горы, приоткрытыми. Животное наверняка соскучилось по свободе, зачем вновь сажать его в клетку?

Она закашлялась. Это взбешенный Джабир сдавил ей горло так, что полностью перекрыл доступ воздуха:

– Идиотка! Оно никогда не знало свободы. Ты погубила его!

– Что здесь происходит? Джабир, немедленно отпусти сестру! – на галерее показалась Зейнаб ханум. Перепуганные насмерть служанки, боясь, что молодой хозяин убьёт сестру, бросились за помощью к той единственной, кто имел влияние на молодого хозяина. – Вы что, все с ума посходили? Было бы из-за чего! Немедленно разойдитесь по своим покоям, и чтобы я не слышала больше о том, что вы спорите из-за животных! А ты, – увидев меня внизу, она злобно прищурилась, – если ещё раз узнаю, что стравливаешь между собой братьев и сестёр, велю запереть тебя в восточной башне, где раньше содержали больных проказой, поняла?

Это было уже слишком! Чувствуя, как дрожит подбородок, а глаза вопреки воле наливаются слезами, я, не желая показывать своего состояния, лишь коротко кивнула и, не дожидаясь позволения удалиться, бросилась прочь. Вслед, мне летели какие-то угрозы, но я их уже не слышала. Меня не пугали слова Зейнаб ханум, с недавних пор они меня злили, заставляя каждый раз поступать наперекор её воле. Да, кто она такая, чтобы запирает меня, ханскую дочь, свет очей моего отца в восточной башне? Размечталась! Как только вернётся отец, я сама ему всё расскажу, и тогда поглядим, кого накажут!

Глава 4

Мне удалось узнать достаточно, для того, чтобы самостоятельно отправиться на поиски своей любимицы, но, не успела я добраться до ворот, как меня нагнал всё ещё пребывающий в ярости Джабир. Слишком хорошо изучивший меня, и ни капли не сомневаясь в том, что я способна отправиться в горы в одиночку, он вынужден был принять решение сопровождать меня, велев прежде переодеться в более подходящую одежду. Не прошло и четверти часа, как я, нарядившись мальчишкой и спрятав длинные косы за туго намотанной чалмой, в сопровождении вооруженного одной лишь саблей брата, покинула дворец.

Трудно сказать сколько времени длились наши поиски, только знаю, что к описываемому времени мы успели здорово устать и ужасно проголодаться. Тугая повязка на голове причиняла массу неудобств вызывая ежеминутное желание сорвать её и отбросить подальше. Солнце медленно клонилось к закату. Стараясь не думать о том, как будет возмущена моим отсутствием мама, я завернула на очередную тропинку и внезапно замерла. Идущий следом Джабир не ожидающий моего маневра резко ткнулся мне в спину, отчего я, не удержавшись на ногах полетела на землю.

Созданный шум, привлёк к нам внимание тех, столкновения с которыми, в иное время, мы непременно постарались бы избежать. Их было трое. Одетые как крестьяне, они, судя по выправке и оружию, лежавшему рядом, скорее всего раньше принадлежали к какой-то армии. Дезертиры? Шпионы? Что могло понадобиться им на наших землях, ведь мы ни с кем не воюем?

Благодаря многолетней грамотной политике гызылдагских ханов, нам до сих пор удавалось сохранять нейтралитет, не склоняясь ни в сторону персов, ни в сторону османов, умудряясь сохранить добрососедские отношения с обоими государствами. Мы ни с кем не воевали, лишь тщательно охраняли собственные границы от случайных набегов. Так что же сейчас, да ещё так близко от дворца, делали чужие солдаты? Нужно было срочно уходить, пока они были заняты... Кстати, чем это они занимались?

Я уставилась во все глаза на висящую на дереве освежеванную тушу, с которой свисала знакомого окраса шкура... Нет! Этого не может быть! Это ведь не...

– Назлы! – вне себя завопила я, отталкивая от себя Джабира, тщетно пытающегося удерживать меня от опрометчивого поступка. В отличие от глупой десятилетней девчонки, он прекрасно осознавал какой опасности мы подвергались, и старался увести меня подальше пока ещё было возможно, но он опоздал. Те трое переглянувшись между собой, сейчас с плотоядными улыбками приближаясь к нам.

– Кто это тут у нас? Девушка? Друзья, вкусная еда и женщина- судьба явно благоволит нам!

Я не совсем понимала, что это означает. Всё, о чём я могла сейчас думать так это о том, что моя любимица мертва. Эти варвары посмели поднять руку на княжеское имущество, а значит их не ждало ничего иного, как смертная казнь. Но их, кажется, это нисколько не волновало. Мерзко улыбаясь они продолжали приближаться к нам:

– Эй, парень, оставь девчонку и иди своей дорогой, обещаю, мы тебя не тронем, – пренебрежительно махнул рукой в сторону Джабира один из них. Это было ошибкой.

Словно молния мелькнула в воздухе сталь, и вот уже отрубленная кисть разбойника валяется на земле, а сам он, схватившись за заливающийся кровью обрубок ошарашенно смотрит на нас. Ни он, ни его товарищи даже сразу не поняли, что произошло, а когда до них дошло, поздно было уже для них.

Джабир, несмотря на юный возраст, не зря считался одним из лучших воинов ханства. Будучи очень развитым физически, он ежедневно упражнялся с лучшими преподавателями в

искусстве владения саблей. Словно ангел смерти с перекошенным от ярости лицом, он, воспользовавшись внезапным преимуществом, набросился на врагов. Не прошло и нескольких минут, как всё было кончено. Три тела утонули в лужах собственной крови, в то время как Джабир, воткнув несколько раз в землю грозное оружие и как ни в чём не бывало вытерев его об одежду одного из них, повернулся ко мне. Я никогда прежде не видела на его лице подобного выражения. Это было и торжество победителя, и ненависть к поверженным врагам... и что-то ещё промелькнуло в глубине его чёрных глаз, когда он хозяйским жестом притянул меня к себе и крепко обнял.

– Моя! – прошептал он, уткнувшись в мою макушку.

– Конечно твоя, ведь ты мой брат, – так же тихо ответила, когда до меня постепенно стал доходить весь ужас только что разыгравшийся перед глазами. Почувствовав невероятную слабость я, на подогнувшихся ногах провалилась в окутавшую меня темноту.

Странные видения обступали меня со всех сторон. Назлы, моя милая подружка, которая миг назад весела скакала возле меня, теперь лежала истекающая кровью, а над ней склонилась Зейнаб ханум с перепачканными кровью лицом и руками. Она почувствовала моё присутствие и подняв голову, с ненавистью уставилась на меня. Женщина что-то крикнула, но я не смогла услышать этого, так как внезапно между нами встал неизвестно откуда появившийся Джабир. Как щитом, он собственной спиной загородил меня от матери, подобно бешеной фурии кружащей, и пытающейся расправиться со мной.

Резко очнувшись, я подскочила на месте. Все мои видения были настолько реальны, что я по-настоящему испугалась.

– Тише, моя милая, это я, всё хорошо, – кто-то протянул руку и дотронулся до моей щеки. Мама! Мамочка моя! Нахлынувшие воспоминания о недавних событиях заставили меня броситься к ней и искать спасения в её нежных заботливых руках.

Вечером приехал отец. Находясь достаточно далеко от дома, он вернулся сразу же как только получил весть о произошедшем. Как ни странно, но ни моя мать, ни, кто-либо из нашего окружения понятия не имел о том, как он мог так быстро обо всём узнать.

Секрет раскрылся очень скоро, когда по приезде, государь тотчас призвал к себе не меня, а Джабира. Как оказалось, именно брат послал гонца с письмом, в котором подробнейшим образом были изложены обстоятельства произошедшего. Но, если сын таким образом надеялся заслужить благодарность повелителя, то он очень сильно заблуждался. Государь не желая слушать никаких оправданий, набросился на него с обвинениями в том, что он, как наследник, не смог в его отсутствие должным образом справиться с возложенной на него задачей. Хан обвинил его в потакании женским капризам и прогнал с глаз долой, не желая выслушивать дальнейших объяснений.

Не в силах усидеть на месте, я, несмотря на строжайший запрет матери, крадучись направлялась к покоям отца. С Джабиром мы столкнулись в дверях. Покрасневший, с перекошенным от злости лицом, отчего его прекрасные черты заострились, больше напоминая хищного зверя, он с такой скоростью вылетел из ханских покоев, что едва не сбил меня с ног.

– Джабир, что случилось? – подбежала я к нему, но он отмахнулся от меня как от прокаженной и бросился прочь.

Ничего не понимая, прежде, чем войти внутрь я обратилась к аге – слуге, охраняющему покои повелителя:

– Что произошло?

Ага, не поднимая глаз, продолжал хранить молчание так, будто меня и не было. Я повторила вопрос, и вновь ответом мне была тишина. Но я не была бы дочерью своего отца, если бы не наказала слугу, осмелившегося проявить ко мне неуважение. Подойдя к нему совсем близко, я зло зашептала прямо ему на ухо:

– Не хочешь отвечать? Что же, продолжай хранить молчание, а я сейчас пойду к повелителю и скажу ему, что ты осмелился поднять на меня глаза, и твой напарник, – я указала на другого агу, – это подтвердит, не так ли? Он ведь не захочет, чтобы я обвинила и его?

Разумеется, ничего подобного я делать бы не стала, но с самого детства, нам внушали, что нет лучших глаз и ушей, чем верные слуги, которые вовремя способны предупредить тебя о любой надвигающейся опасности. Благодаря проискам Зейнаб ханум, науку манипулировать слугами я усвоила железно, и сейчас с удовлетворением наблюдала за тем, как еще совсем недавно смеющийся проявлять неуважение к ханской дочери, по-прежнему не поднимая глаз взмолился:

– Умоляю вас, госпожа, не губите! Если хан узнает, что мы подслушивали его разговор, он велит вырвать нам языки!

– Он ничего не узнает, клянусь! – я не собиралась мучить несчастного, только хотела знать, что произошло. – Что сказал отец? Почему Джабир был не в себе?

– Да хранит вас Всевышний, госпожа! Повелитель не стал выслушивать объяснений, а обвинил вашего брата в том, что по его вине вас чуть не убили. Он сказал, что, если бы ханзаде уделял должное внимание возложенным на него, как на преемника обязанностей, всего этого бы не произошло. Разговор закончился тем, что ваш отец пригрозил, что лишит его статуса наследника и завещает трон одному из других сыновей.

– Он не посмеет, – выдохнула я, чувствуя свою вину за происшедшее. Нужно было как-то успокоить разгневанного государя и заставить его изменить своё необдуманное решение.

Машинально сосчитав про себя до трёх на английском языке, которому меня с рождения учила матушка и которым я владела в совершенстве, я сделала глубокий вдох и постучав, вошла в покои повелителя.

* * *

Наследник бежал, не разбирая дороги, всё равно куда, лишь бы подальше от дворца и несправедливых обвинений. Он пытался, несмотря на то что мать и тётки настойчиво отговаривали его от столь опрометчивого шага, честно пытался рассказать отцу, как всё произошло на самом деле. Однако, когда дело касалось младшей дочери, внимательный к мелочам хан становился абсолютно глух к любым словам. Не чаявший души в Фарах, которая была ему дороже всех остальных детей, он был готов ради неё на всё.

– Так ведь и я готов! – не выдержав, крикнул Джабир. Он отбежал уже на достаточное расстояние от дворца, чтобы не опасаться, что его могут услышать. – И я готов, отец!

Одному Всевышнему известно, что юноша пережил, когда увидел тех разбойников. Он, не ведающий страха воин, испугался как мальчишка, но не за себя. Фарах! Стоило только подумать, о том, что кто-то мог осмелиться дотронуться до неё, как внутри него просыпался дикий зверь, единственным желанием которого было рвать и кромсать всё вокруг.

– Она моя, слышишь? – мысленно обращаясь к отцу процедил сквозь зубы юноша, – Моя! Я убью любого, кто осмелится приблизиться к ней!

– Простите мою дерзость, ваше ханское высочество, за то, что осмелился потревожить ваше уединение, – произнёс кто-то совсем рядом и из-за близ растущего куста вышел человек.

Раздраженный тем, что ему помешали, Джабир обрушился на незнакомца. Вытащив из-за пояса кинжал, он приставил его к горлу и не пытающегося сопротивляться мужчины:

– Кто ты такой? Тебя мать прислала? Передай ей...

– Простите ваше высочество, – перебил его начинающий хрипеть человек, – но тот, кто меня прислал, хотел бы обсудить с вами кое-что, касающееся вашего будущего. Если соизволите выслушать, я готов слово в слово повторить вам то, что мне велено было передать.

Ещё не остывший от разговора с отцом, Джабир взглянул на незнакомца:

– Говори...

Глава 5

Графство Суррей, Англия.

Два часа бешеной скачки по вересковым полям помогли немного прийти в себя, а свежий воздух прояснил ум. Пришпорив коня, всадник понёсся в сторону холма, с которого открывался живописный вид на фамильную гордость- Рейвенхёрст. Великолепный особняк из красного кирпича был построен его славными предками в начале прошлого столетия и поража́л воображение всякого впервые оказавшегося в этих местах громадным истинно английским парком, живыми изгородями, мощёными дорожками, прудами богатыми рыбой, причудливыми фонтанами и дикими зарослями. Внутри дом был не менее роскошен, чем снаружи, чего стоила центральная "королевская" лестница из редкого дуба украшенная резными фигурками и лепниной. Выполненный в виде буквы "п" дом имел два крыла, три этажа и более сотни комнат, которыми никто на его памяти ни разу не пользовался.

Огромный штат слуг, обходившийся хозяевам просто в фантастическую сумму, день и ночь сбивался с ног, чтобы содержать поместье в том виде, в котором ему и положено было быть, а не в том жалком состоянии, в котором он получил его несколько лет назад.

Будучи лишь вторым сыном барона Блейкни, Райтон Филдинг, удел которого был выбрать военную службу во славу Отечества, и предположить не мог, что когда-нибудь станет единственным наследником фамильной собственности, доставшейся ему после неожиданной кончины старшего брата Родни, найденного недалеко от усадьбы с пулей в затылке. Увы, тщательное расследование и дотошное изучение места преступления так и не помогло выявить убийцы.

Погибший накануне собственной свадьбы с дочерью старинного друга семьи, он по словам тех, кто его знал, был человеком вспыльчивым, но очень добрым. Все вокруг, включая слуг, его любили и поэтому терялись в догадках: кому могла быть выгодна смерть молодого барона?

Тем не менее, если верить отчётам управляющего, молодой барон отличался не только вспыльчивостью, но и небывалым азартом, успев спустить в карты большую часть своего наследства. Когда Райтон, узнавший о смерти брата, вернулся с Востока, где проходил военную службу, он был поражен тем, в какой упадок пришло поместье. Некогда величественный дом выглядел плачевно, утратив былой блеск, кое-где облупились и протекли потолки, испортив великие творения потолочной итальянской живописи, парк пришёл в полное запустение, в прудах почти не осталось рыбы, а фонтаны, из-за жёсткой экономии воды, давно высохли и потемнели, нуждаясь в основательной чистке и ремонте.

Все мало-мальски ценные вещи давно были распроданы или заложены в ростовщических лавках Лондона, и проследить их дальнейшую судьбу не представлялось возможным.

Сколотив во время службы, по европейским меркам, баснословное состояние на сделках по продаже слоновой кости и золота, первое же что сделал новоявленный барон Блейкни – это велел отреставрировать поместье и выкупил заложенные земли. Одно за другим в Рейвенхёрст возвращались полотна знаменитых мастеров, золотые и серебряные сервизы, бесценные блюда и вазы из тончайшего китайского фарфора.

Не прошло и трёх лет, которые он вынужден был провести между Лондоном и Сурреем, как величественное поместье вновь засверкало изысканной красотой подобно редчайшей жемчужине, до времени скрытой от людских глаз в раковине на дне океана.

Полюбоваться на восстановленный Рейвенхёрст и поздравить хозяина с новосельем съехалось всё графство. Мужчины в тайне от жён надеялись обрести в лице молодого Филдинга достойного партнёра в карточной игре и выпивке, а их жёны, разумеется в такой же тайне от мужей, вовсю строили матримониальные планы относительно брака своих дочерей с владель-

цем столь великолепных угодий и просто несметного по слухам богатства добытого во время службы в рядах армии его величества короля Георга.

На полукружии широкой подъездной аллеи было уже тесно от верховых лошадей и экипажей, из которых подобно прелестному рою бабочек на землю выпархивали дивные создания в шелках и кружевах, с уложенными в затейливые причёски волосами самых разнообразных оттенков от белокурых до иссиня-чёрных, на создание которых у их горничных ушло несколько часов кропотливой работы и метры узорной ленты. Каждая девица на выданье мечтала о том, что именно она сможет сегодня привлечь внимание самого завидного холостяка округа.

Однако их мечтам не суждено было осуществиться, ибо с того самого момента, как он увидел Мирабель Бересфорд- невесту своего покойного брата, всё его внимание было сосредоточено только на ней.

Несмотря на то, что со дня смерти Родни прошло более трёх лет, Мирабель по-прежнему носила по нему траур, избегая появляться на балах и празднествах, устраиваемых местным обществом, и куда приглашалась с завидной регулярностью. Тем удивительнее было видеть её здесь и сейчас, выходящей из экипажа под руку со своим отцом и компаньонкой.

Дочь джентльмена, она обладала столь удивительными манерами и грацией, что вкупе с ангельской внешностью делали её больше похожей на сказочную принцессу спустившуюся в этот грешный мир со страниц величайших творений известных сказочников.

Несмотря на тёмно-синий наряд, который был способен состарить любую юную дебютантку, двадцатидвухлетняя Мирабель выглядела не старше семнадцати лет. Белокурая, с огромными голубыми глазами, обрамлёнными пушистыми золотистыми ресницами, придающими её застенчивому взгляду особое очарование и нежнейшим румянцем на фарфоровой, без малейшего изъяна коже, она не оставляла другим девицам ни малейшего шанса быть замеченными бароном.

В не слишком низком квадратном вырезе её почти вдовьего платья угадывались очертания упругой белоснежной груди, подчёркнутой затянутой в корсет тоненькой талией.

Стоя возле парадной двери согласно этикету приветствуя каждого гостя, Райтон, словно под воздействием каких-то чар, напрочь позабыл о своих обязанностях и, стремительно спустившись с высокого крыльца, остановился перед неземным созданием:

– Господи, Мирабель, ты стала ещё прекрасней, чем я помнил!

Она подняла на него ясные глаза и улыбнулась, обнажив ровный ряд жемчужных зубов:

– Здравствуй, Райтон! Я счастлива видеть тебя. Добро пожаловать домой!..

Свадьба состоялась через два месяца, и ещё долго оставалась главным предметом обсуждения провинциального общества. В специально выпisanном по такому случаю из Парижа наряде из тонкого кружева ручной работы и длинной фате, которую несли за нею две крошечные девочки, наряженные ангелочками, под вздохи умиления и зависти, Мирабель, ещё более прекрасная, чем прежде, держа в руках букетик из флёрдоранжа, медленно шествовала по украшенному цветами церковному проходу навстречу жениху. Стоящий рядом со священником Райтон с восхищением наблюдал за каждым её шагом ловя себя на мысли, что готов стоять так всю свою жизнь, лишь бы это ощущение умиротворения и полного безграничного счастья никуда не исчезало.

Но, оно исчезло. Не прошло и нескольких часов после устроенного им пышного торжества с танцами и реками шампанского, льющегося из установленных прямо на лужайке хрустальных фонтанов, с которого ни один гость не ушёл недовольным, наступила брачная ночь, во время которой новобрачный к своему ужасу и гневу обнаружил, что его невеста вовсе не так невинна, как он предполагал. "Ангел", которого он боготворил, оказался падшим.

Долгие годы, проведенные на Востоке, где девственная чистота была в особенном почёте, очень сильно сказались на его мировоззрении, и даже тот факт, что она была помолвлена с

его братом, не давал ей права дарить ему себя до свадебной ночи. Ужасное разочарование – единственное, что он почувствовал в тот миг.

Не произнеся ни слова борясь с мучительными подозрениями, Райтон накинул на плечи халат и покинул опочивальню супруги проведя ночь в одной из гостевых комнат. Когда же на следующее утро он вызвал новоиспечённую супругу для разговора в свой рабочий кабинет, то был несказанно удивлён произошедшими с ней кардинальными переменами. Это была не та Мирабель, в которую он тайно был влюблён всю жизнь, и на которой, как он думал, женился. Ангел исчез, а вместо него появилась презрительно кривящая губы дьяволица, которая и не думала оправдываться, открыто заявив, что имела связи с другими мужчинами, в том числе и с его братом, а за него вышла только ради денег.

Первым порывом было ударить её, уничтожить, стереть с лица усмешку торжества, что так ловко сумела провести его и выставить на всеобщее посмешище, но затем он вспомнил о своих обязанностях по отношению к родовому титулу и о том, что несмотря ни на что, она пока ещё его супруга.

Не спуская глаз с лица, которое ещё совсем недавно боготворил, а нынче же ненавидел всеми силами души, он, сложив руки на груди, официальным тоном произнёс:

– Мне наплевать с кем вы спали до меня, миледи, и с кем ещё собираетесь переспать. Всё, что мне от вас нужно – это наследник, которого хотите вы или нет, мне подарите. Выполнив свой долг, вы вольны будете поступать так, как заблагорассудится, ибо я больше не желаю видеть вас ни в своём доме, ни в своей жизни. Само собой, вам будет выделена приличная сумма на содержание, которая поможет безбедно существовать до конца жизни, но только ни ребёнка, ни меня вы больше не увидите.

– Ты не посмеешь! Я – твоя жена, и тебе никогда от меня не избавиться!

Она кричала ещё что-то ему во след, но он, посчитав разговор оконченным, её уже не слышал. Велев оседлать любимого жеребца, он вскочил в седло и понёсся вперёд, желая только одного, чтобы его разбитое сердце перестало кровоточить и не болело так сильно.

Господь смиростивился над ним, когда ровно девять месяцев спустя после проклятой ночи, Мирабель благополучно разрешилась от бремени, подарив, вместо ожидаемого наследника, дочь.

Она лежала на огромной кровати окруженная заботой и вниманием прислуги, отказываясь даже взглянуть на ту, что сейчас тихо попискивала на руках повивальной бабки. Ребёнок ее не интересовал, она выполнила свою миссию и больше не собиралась беременеть вновь. Напротив, теперь самое время напомнить так больше ни разу и не прикоснувшегося к ней супругу, что пора ему выполнить данное ей обещание выплатить причитающуюся ежегодную сумму, которая поможет ей арендовать дом в Лондоне и, наконец, зажить той жизнью, о которой она всегда мечтала – быть свободной, богатой, окруженной толпами поклонников, вздыхающих по ней и борющихся за её внимание.

Ворвавшийся без предупреждения супруг, отвлёк её от радужных мечтаний. Уже предупреждённый о том, кто у него родился, он к невероятному удивлению Мирабель не только не разочаровался, но наоборот счастливо улыбнулся.

Его улыбка как нож ударила Мирабель в самое сердце. Райтон был так красив! Он мог бы быть великолепным любовником, но ей, к сожалению, об этом узнать не удалось. Поначалу, думая, что перед ним невинная девица, он проявлял чудеса чуткости и нежности, в то время как она сходила с ума от страстного желания, затем, когда он понял, что его обманули и он заплатил непомерную цену за подпорченный товар, он заledenел, превратившись в бесчувственную статую, лишив последней возможности получить удовольствие от занятия любовью.

Плевать! Теперь, когда скоро перед ней откроются все двери, она сама сможет выбирать себе самых красивых и страстных любовников, которые помогут ей компенсировать холодность мужа.

Она продолжала следить глазами за до омерзения счастливым, нежно воркующим с ребёнком Райтоном, когда внезапно поняла, что он обращается к ней:

– Несмотря на то, что речь шла о наследнике, я освобождаю тебя от дальнейших обязанностей передо мной и Лайлой. Можешь...

– Что? Ты назвал дочь Лайлой даже не посоветовавшись со мной? – возмутилась Мирабель.

На самом деле, ей было абсолютно наплевать, какое имя он подобрал для своего отпрыска, она не собиралась тратить на него ни времени, ни сил, но её бесила холодность Райтона, и она не могла удержаться от того, чтобы лишний раз его не уколоть.

– Абсолютно верно! Мне жаль, что ты до сих пор ещё этого не поняла. У тебя есть две недели, чтобы прийти в себя и собрать свои вещи. После установленного срока, твоё пребывание в Рейвенхёрсте будет невозможным! – это были последние слова, что она услышала от Райтона. Все последующие дни она ни разу не видела ни его, ни дочери, которую в тот же день передали кормилице поселившейся в другом крыле.

За день до отъезда её навестил управляющий, который передал ей пухлый конверт с деньгами на обустройство и подробными инструкциями от хозяина. На все её вопросы он давал заранее заготовленные ответы – чётко и лаконично. Слугам было велено снести в ожидающий экипаж вещи баронессы ещё до того, как она соизволит проснуться.

Сев в карету, Мирабель бросила прощальный взгляд на великолепную усадьбу, в которой могла быть настоящей хозяйкой, успей она выйти замуж за недалёкого Родни. Кто же знал, что в тот роковой вечер, он, решивший подышать свежим воздухом, застанет её в объятиях своего лучшего друга прямо возле диких зарослей, где обычно никого в это время не было. Исполненный гнева он бросился в сторону дома, чтобы поставить в известность гостей и родителей невесты о том, что свадьба отменяется, когда испугавшийся огласки и последующего за ней позора его друг Тони, неожиданно вытащил из сапога пистолет и выстрелил ему в голову.

Выстрел, оказавшийся смертельным, перечеркнул все её далеко идущие планы. В ужасе от совершенного, ненавидя и себя и Мирабель, соблазнившую и заманившую его в ловушку, Тони в спешке бежал, бросив любовницу возле окровавленного тела. Ей пришлось призвать на помощь весь свой актёрский талант, чтобы изобразить ужас и страдания перед теми, кто сейчас с факелами в руках бежал на звуки выстрела. Быстро приведя себя в порядок, она, заламывая руки и заливаясь слезами склонилась над остывающим телом, всем видом демонстрируя нечеловеческое горе.

Разумеется, никому и в голову не пришло обвинить в смерти барона его безутешную невесту. Каждый старался выказать ей помощь и участие, которыми она бессовестно пользовалась несколько лет, пока не встретила Райтона.

Райтон...

Откинув занавеску, молодая женщина бросила прощальный взгляд на поместье, когда заметила на высоком холме одинокого всадника, взглядом провожающего её карету. Она помахала ему рукой рассчитывая, что он хотя бы напоследок ответит ей тем же, но Райтон развернул коня и в тот же миг исчез из поля видимости.

Откинувшись назад, Мирабель чертыхнулась к глубокому ужасу сопровождающей её горничной и велела кучеру гнать во весь дух.

Глава 6

– Отец! – едва переступив порог я бросилась на грудь отца, ещё не успевшего разоблачиться с дороги. Спрятанная под кафтаном кольчуга, неприятно звякнула, когда я постаралась обхватить его покрепче. Это мне напомнило не только сегодняшние кровавые события, но и то, что даже правители несмотря на многочисленную охрану не могут чувствовать себя в полной безопасности, вынужденные носить под роскошными одеждами металлическую сетку, призванную уберечь их от летящей стрелы наёмника или, что ещё хуже, предателя.

Отец был не в духе. Впервые он не обнял меня в ответ, ограничившись тем, что погладил меня по голове и коротко сказал:

– Не сейчас, Фарах, я очень устал. Возвращайся в свои покои.

Но мне не хотелось никуда идти. Я знала, как несправедливо поступил отец с Джабиром, не соизволив выслушать его оправданий. Желал он этого или нет, но я должна была объяснить, что произошло, пусть даже мне и влетело бы за самоуправство.

По-прежнему не выпуская отца, я упрямо замотала головой:

– Отец, мне очень нужно вам кое-что рассказать, и боюсь отложить разговор на потом не получится.

– Фарах! Я сказал не сейчас! – впервые хан повысил на меня голос.

Это был уже не отец, а гордый правитель своих земель. Но если он надеялся, что я испугаюсь и подобно другим сёстрам в слезах убегу в комнату, то очень сильно ошибался. Он сам всегда учил нас бороться за то, во что веришь и отстаивать справедливость до конца, так пусть теперь не осуждает за то, что мне придётся сделать.

– Государь, – я разжала объятия и смиренно склонив голову, опустилась перед ним на колени, как рабыня, но не как дочь, – клянусь Всевышним, что Джабир ни в чём не провинился перед вами, и если вам нужно кого-то наказать, то накажите меня за то, что, не спросившись отправилась на поиски лани, которую по приказу Гюльназ, желавшей досадить мне, вывели за ворота дворца.

– Фарах, доченька, немедленно встань!

– Нет, отец, я останусь на полу до тех пор, пока ты не выслушаешь меня до конца! – упрямо покачав головой я оттолкнула руки отца, пытающиеся меня поднять и была несказанно удивлена, когда увидела его на полу рядом с собой.

– Упрямая, как ишак. И в кого ты такая уродилась? – притянув меня к себе, он крепко обнял, пряча смех в моих растрепавшихся волосах. – Хотя нет, знаю, упрямство тебе досталось от меня, а вот хитрость – это уже от матери, – уже открыто улыбнулся он, и глаза его потеплели, – та тоже знает, как вить из меня верёвки.

Как же я любила эту его улыбку! Она всегда смягчала суровые черты его лица, отчего оно становилось для меня самым прекрасным на земле.

Я по привычке потянулась к лучикам-морщинкам в уголках глаз, когда, вспомнив зачем я здесь, резко опустила руку.

Ожидавший ласки отец дёрнулся как от удара. Боль промелькнула по его лицу и исчезла так быстро, что я решила мне это почудилось.

Вздохнув, отец взял меня за подбородок и заставил взглянуть на себя:

– Хорошо, я выслушаю тебя, но при одном условии.

Обрадованная, я закивала головой готовая на всё:

– Конечно, отец, всё что угодно!

– Ты больше никогда и не перед кем не склонишь головы, поняла? Ты- дочь могущественного хана, в жилах которого течёт кровь великих государей и полководцев! Борись, умри, если нет иного выхода, но никогда не склоняй головы!

Как калёным железом каждое слово отпечатывалось в моей голове. Упав в родные объятия, я и сама толком не понимая почему разрыдалась.

Выходила я от отца с чувством облегчения. Не таясь и не пытаясь приуменьшить свою вину, я поведала всё, как было на самом деле. Ни один мускул не дрогнул на лице повелителя, за всё то время, что я говорила, единственное, что выдавало его внутреннюю борьбу – это маленькая вздувшаяся жилка на виске, пульсирующая с пугающе бешеной скоростью.

Он ни разу не перебил меня, дав возможность довести рассказ до конца, и лишь тогда, когда я замолчала, ласково погладил по голове и велел идти в свои покои, не волнуясь ни о чём. На этот раз, я спорить с ним не стала. С чувством выполненного долга я возвращалась на женскую половину, не подозревая какая гроза разразится вскоре.

Не желавший пугать меня отец, едва дождавшись моего ухода, дал выход собственному гневу. В срочном порядке были проведены расследования и все те, кто оказался причастен к исчезновению лани, были наказаны. Мои сёстры получили строгое предупреждение, лишившись возможности присутствовать на предстоящем грандиозном празднике, посвящённом столетию правления нашей династии. Зейнаб хатун, которая вместо того, чтобы наказать виновных и организовать поиски моей любимицы предпочла взять их сторону, правитель предостерег от ошибок в будущем, которые могли привести к тому, что она может лишиться всех своих привилегий и будет сослана в "Обитель слёз" – небольшой дворец на самой окраине, куда удалялись неугодные наложницы и вдовы прежних правителей. Лишившись возможности жить среди роскоши и веселья, эти женщины проводили все дни и ночи за единственным занятием – оплакивали свою несчастную участь.

Баш гадины была поражена. Меньше всего она ожидала, что её может коснуться такая судьба. Напрасно хан рассчитывал на то, что своим предупреждением сможет усмирить нрав непокорной супруги, этим он её только ещё больше разозлил и окончательно настроил против меня.

Ища выход своему гневу, она разнесла в пух и прах убранство своей опочивальни, чем привела в отчаяние служанок полдня, приводивших комнату в порядок. Увидев входящего Джабира, всё это время пропадавшего невесть где, она, не скрывая ярости набросилась на него:

– Как ты мог?! Для чего нужно было посылать гонца к отцу? Неужели ты не понимаешь, что эти ведьмы – мать и дочь, только и ждут, чтобы опорочить нас и выслать вон из дворца?

Если бы женщина не была бы так взбешена, она, как никто другой знающая своего сына, сразу же заметила бы, что с ним что-то не так. Задумчивый и отрешенный, он с удивлением посмотрел на учинённый погром:

– Что произошло?

– О, он ещё спрашивает! – всплеснула руками мать, – Где ты был, когда твою мать унижали и втапывали в грязь? Ты хотя бы в курсе, что из-за гадкой девчонки повелитель пригрозил отправить меня в "Обитель слёз"?

– Тебя? Но почему? – Джабир никак не мог собраться с мыслями, которые в этот самый момент были где-то очень далеко.

– Почему? Да потому, что тебе не хватило ума воспользоваться шансом, что на блюде поднесла судьба, разом покончив с проклятой девчонкой! Вместо этого, ты решил прийти ей на помощь рискуя собственной жизнью! Как можно было так сглупить? Неужели ты не понимал, что можешь погибнуть из-за неё?

– Матушка, я понимаю, что вы не в себе, но опомнитесь, эта "проклятая девчонка" – дочь моего отца! По-вашему, я должен был отправить на смерть собственную сестру?

– Вот именно! Поверь, от её внезапной смерти всем было бы только лучше!

– Лучше?! Кому? Вам? – со сверкающими от гнева глазами он подошёл так близко, что Зейнаб ханум невольно отступила на шаг. Таким, она прежде сына ещё не видела, и ей стало страшно. Подняв вверх указательный палец с красивым серебряным перстнем в виде сокола

– символа нашего рода (Шахин – в переводе означает сокол), он поднёс его к самому лицу матери, заставив её сжаться ещё сильнее. – Жизнь этой, как вы ее назвали, «девчонки», в сотни раз ценнее для меня, чем все ваши жалкие жизни вместе взятые! Случись что с вами, – он с такой силой толкнул мать, что она, не удержавшись на ногах, упала на стоящую позади себя оттоманку, – я бы не пошевелил и пальцем! Но, если что случится с ней, – он угрожающе навис над сжавшейся в комок напуганной до смерти женщиной, – одного за другим, по очереди, я уничтожу вас всех!

Посчитав разговор оконченным, он пнул ногой, обутой в парчовый сапог большую подушку, предназначенную для сидения на полу и вышел вон с силой хлопнув дверью.

Воспользовавшись его уходом, в покои вбежали служанки, стоящие за дверью, но госпожа жестом велела им уйти прочь, оставив лишь верную наперсницу Гюльсум. Всё ещё отказываясь верить в то, что только что услышала из уст единственного сына, которого безмерно любила и боготворила, Зейнаб ханум с помощью служанки осторожно села, наощупь проверяя целы ли кости.

Поведение Джабира, его отношение к младшей сестре в частности, и раньше её настораживали, теперь же они её пугали. Нужно было срочно придумать план, как разлучить этих двоих, ибо до тех пор, пока сын будет открыто поддерживать девчонку, мать бессильна будет что-либо сделать.

Идею, как ни странно, подбросила именно Гюльсум, подобно верному псу ненавидевшая соперниц госпожи всеми фибрами своей души. Подложив под спину Зейнаб подушечки и смочив ароматическими маслами кончики пальцев, она, массируя госпоже виски, принялась рассуждать вслух:

– Нужно придумать способ разлучить хан-заде с дрянной девчонкой. Негоже сыну ради невесты кого идти против собственной матери.

– Ты думаешь, мне это не приходило в голову? – Зейнаб ханум раздражённо поморщилась, – мягче, у тебя не пальцы, а жернова, всю кожу с меня содрала.

– Простите, госпожа, – подобострастно склонилась служанка, – больше этого не повторится.

– Надеюсь, – потёрла переносицу Зейнаб, возвращаясь к интересующей её теме, – ты что-то говорила о способе разлучить этих двоих. Говори, я же чувствую, что ты что-то придумала.

Гюльсум коварно улыбнулась. Да, она знала один такой безотказный способ, и сейчас собиралась предложить эту идею госпоже.

– Господину Джабиру, как вам известно, исполнилось девятнадцать лет, и самое время начать задумываться о продолжении династии. До сих пор, по вашему приказу, его наложницам давали питьё предотвращающее появление плода, что если нам перестать это делать? Велите заполнить гарем наследника самыми прекрасными девушками со всех уголков света, пусть они подарят ему крепких сыновей и красивых дочерей, и уверяю вас, как только у него появятся собственные дети, он забудет о сестре.

– Дети?! – Зейнаб так резко вскочила с места, что в руках служанки остались несколько вырванных волосков, но из-за волнения, она не обратила на это никакого внимания, – Ты права! Как же я раньше об этом не подумала? Если ему так хочется с кем-то нянчиться, то пусть делает это с собственными детьми!

На утро следующего дня, во все концы ханства были отправлены гонцы с повелениями от самой Баш гадины. Всем торговым караванам предписывалось уделить особое внимание не тканям и сладостям, а живому товару. Самые красивые невольницы со всех уголков света должны были в кратчайшие сроки заполнить гарем будущего хана, и каждый купец, надеясь на богатое вознаграждение, бросился в точности выполнять возложенное на него поручение.

Глава 7

Столетие правящей династии Шахин грозило перерасти из семейного празднества в нечто гораздо более масштабное. Правители соседних дружественных нам государств ежедневно присылали послов с поздравлениями и ценными подарками. Огромные разноцветные шатры, принадлежащие гостям, заполнили всё свободное пространство на подступах к столице, заставляя местных жителей в страхе запирать покрепче двери по ночам и строже приглядывать за хорошенькими дочерьми.

Особой честью нас почтила и османская держава в лице визиря его величества Султана Ахмета-Ибрагима-паши, приехавшего в Гызылдаг вместе со старшим сыном Эрдемом, которому все наперебой прочили блестящее будущее при дворе грозного повелителя.

Получив приглашение остановиться во дворце, именитые гости не переставая восхищались роскошью убранства, царящей тут. Ещё бы, ведь в отличие от богатого золотыми рудниками Гызылдага, не каждый восточный правитель мог похвастаться такой, всякого гостя приводящей в восторг резиденцией.

Занимая площадь равную небольшому городку, ханский дворец, носящий поэтическое название "Гюльбахче", что дословно означало – "Цветочный сад", был построен из дикого камня. Имея два этажа, дворец тем не менее был так высок, что возвышался над всеми остальными постройками столицы, причём, со стороны обращённой к городу, на крыше была сооружена специальная галерея, поднявшись на которую, можно было бесконечно любоваться красотами города и его неприступных стен.

Как и другие восточные резиденции, «Гюльбахче» был поделен на две половины: официальную мужскую и уединённую женскую, все окна которой были украшены шебеке – витражами, состоящими из маленьких кусочков цветного стекла и дерева, сложенных в неповторимые композиции изображающие цветы и экзотических птиц.

В отличие от женской половины, стены которой были чисто оштукатурены и украшены коврами, стены и фасад мужской половины были расписаны живописью изображающей сцены охоты и войны, а также геометрическими и растительными узорами. Потолки всего дворца так же были украшены изображениями цветов, а полы выложены мраморными плитами. Огромный, внутренний, выложенный мозаикой двор украшали сказочной красоты фонтаны, манящие в палящий зной искать спасения в своей прохладе.

Прогуливаясь не спеша по саду, не уступающему красотой внутреннему убранству дворца, вдали от лишних ушей, Ибрагим-паша вместе с Шахбаз-ханом вели неторопливые беседы на интересующие их темы.

Дворцовые сплетники, которым несмотря на предосторожности всё же удалось уловить из их разговора пару-тройку фраз, поговаривали, что устраиваемый нами праздник был не единственным интересом османского посланца. Если верить слухам, Ибрагим-паша с целью укрепления собственной власти, собирался просить у Шахбаз-хана руку одной из его дочерей для своего сына, которого привёз с собой специально с этой целью.

Узнав об этом, старшие дочери хана всполошились. Совершенно позабыв о наказании отца и запрете принимать участие в празднествах, каждая старалась любым способом перещеголять остальных, чтобы привлечь к себе внимание сына паши. Самые красивые ткани были в срочном порядке выужены из недр сундуков и отправлены к портнихам, которые должны были в максимально короткие сроки пошить из них наряды, способные свести с ума не одного мужчину.

Меня их приготовления нисколько не интересовали. Будучи самой младшей, ещё не вступившей в пору зрелости, я не имела шансов всерьёз кого-то заинтересовать, да я и не пыталась. Меня волновали совсем иные проблемы, мало имеющие отношение к приезду гостей.

С недавних пор, Джабир несколько отдалился от меня, заставляя чувствовать себя одинокой и никому не нужной. Всё чаще он уединялся с новыми наложницами, постоянно пополняющими его личный гарем и всё меньше внимания уделял мне, ограничиваясь лишь сухими, ничего не значащими фразами. Он по-прежнему совершал прогулки за пределами дворца, но теперь предпочитал это делать в полном одиночестве, удаляясь на рассвете и возвращаясь поздно вечером, каждый раз всё с более мрачным выражением лица.

Его холодность удручала меня, заставляя чувствовать себя виноватой в том, что из-за меня у них с отцом произошёл спор. И хотя, после нашего разговора отец призвал к себе Джабира и помирился с ним, что-то неуловимо изменилось в их отношениях, что не могло не беспокоить не только меня, но и Зейнаб хатун, которая после разговора с ханом предпочитала держаться от меня подальше, намеренно игнорируя моё присутствие.

Предоставленная сама себе, я вынуждена была развлекаться как могла: сбивала камешками установленные на высоком постаменте мишени, охотилась с силками на орущих павлинов, из чьих хвостов дёргала перья для крестьянских ребятишек в обмен на маленьких ящерок и кузнечиков, которых затем подбрасывала в комнаты сестёр доводя их до истерики, таскала из-под носа загруженного работой повара сладости, щедро делясь с евнухами и служанками которые в знак благодарности предпочитали закрывать глаза на мои шалости и не жаловались Баш гадины и моей матери.

В один из таких дней, в очередной раз предоставленная сама себе, я, переодетая мальчишкой и закрывшая часть лица платком оставив открытыми лишь глаза, развлекала себя тем, что вооружённая небольшим кухонным ножом, изображала «короля воров» Робин Гуда, о котором мне столько рассказывала матушка, и, подкараулив прохаживающихся по дорожкам сада домочадцев и прислугу, всякий раз выпрыгивала из кустов с диким криком: " Кошелёк или жизнь!"

Кто-то изначально взвизгивал от страха, но уже в следующий момент принимался гоняться за мной, угрожая пожаловаться отцу, другие, весело хохоча, бросали мне в ладошки мелкие монетки, подсказывая как получше спрятаться, чтобы меня не заметили раньше времени.

Сидя в очередной раз в засаде, я услышала приближающиеся шаги и довольно улыбнулась: мне удалось незаметно натянуть между деревьями верёвку и сейчас, намереваясь выскочить из своего укрытия и напугать прогуливающегося, я собиралась здорово повеселиться, когда всё пошло совсем не так, как я планировала.

Шаги замерли совсем близко, но напрасно я прислушивалась в ожидании возгласа и проклятий, их так и не последовало. Потеряв терпение и решив проверить что случилось, я высунула голову из-за куста, под которым сидела, как кто-то грубо схватил меня за ухо:

– Попался, негодник! – пробасил надо мной голос с едва заметным акцентом, – я сейчас же отведу тебя на конюшню и велю выпороть как следует.

Как это выпороть? Меня?! Да что эти гости о себе возомнили?!

Всерьёз опасаясь за сохранность своего уха, я, глотая выступившие от боли слёзы, пыталась вывернуться и убежать, но не тут-то было, хватка у незнакомца была очень крепкой. Изловчившись, я ткнула его в ногу ножом, немного, самую малость только для того, чтобы освободиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.